

Она молчала, застыдившись.

Онъ притянулъ ее къ себѣ и произнесъ:

— Я перестану считать тебя ребенкомъ, когда ты станешь дамой... Но, кромѣ шутокъ, ты очень умна, Раиса, и меня самого обидѣло, когда вчера Никодимъ Павловичъ сказалъ, что ты еще дитя душой... Признайся, Раиса—имѣлъ на тебя какіе-нибудь виды Никодимъ Павловичъ?

— Я не знаю.

— Ты такая проникательная! Какъ мышка въ норкѣ, сидишь, а все видишь... Можетъ быть, онъ, на правахъ друга дома, шутилъ, что ты станешь со временемъ его *petite femme*... Нѣтъ, Раиса?

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Молодая дѣвушка сдѣлала серьезное лицо и старалась смотрѣть жениху прямо въ глаза. Потомъ она засмѣялась и сказала, покраснѣвши:

— Боже, *es-tu jaloux!*

Онъ схватилъ ея руки и покрылъ поцѣлуями.

— Да, да! Мнѣ все-таки кажется, что ты отъ меня что-то скрываешь. Вчера тебѣ было неловко въ присутствіи Никодима Павловича. Ты даже боялась его.

Раиса сѣла къ нему на колѣни и стала цѣловать его, хоча ему въ лицо, такъ, что онъ слышалъ свѣжесть ея дыханія.

— Сумасшедшій Оеда, сумасшедшій!

— Какая ты змѣйка!—сказалъ онъ, съ блаженной улыбкой глядя на нее.

Онъ крѣпко держалъ ее обѣими руками и любовался ея красотой и молодостью. Онъ чувствовалъ, что безмѣрно счастливъ. Вдругъ забылъ онъ Прягина, забылъ, что пора уходить, потому что зайдетъ солнце и будетъ темно, забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Онъ молчалъ, и молчала его невѣста. Сердце его горѣло, и онъ слышалъ, какъ, согласно съ его упругими біеніями, билось сердечко Раисы.

Тѣмъ временемъ погасло солнце, и сѣро-лиловый прозрачный сумракъ обступилъ молодыхъ людей. Гранковскій увидѣлъ, какъ поплѣднѣла Раиса и потушила рѣсницы, отъ которыхъ тѣни упали на щеки.

— Отчего у тебя потемнѣли глаза?—спросилъ онъ тихо.

Она не отвѣтила; удлиненное личико ея хранило странную неподвижность, и только высоко и часто вздымалась ея грудь.

— Господа, а куда вы забрались?—послышался голосъ тап-тап.—Ждала васъ, ждала—чай простыль!